

DOI: 10.33184/dokbsu-2020.1.9

Теневая занятость в Республике Башкортостан: внутриэкономический шок «Пенсионной реформы»

А. А. Рабцевич

*Центр стратегических и междисциплинарных исследований УФИЦ РАН
Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа, улица Чернышевского, 112.*

Email: cruiser333@yandex.ru

В данной статье описывается системная связь между параметрами пенсионной системы и развитием теневой экономики. Автор приходит к выводу, что до последнего времени научные исследования посвящались более влиянию теневой экономики на функционирование пенсионной системы. В связи со значительными шокowymi последствиями «Пенсионной реформы» 2018 года фокус экономического анализа сместился в обратном направлении – изучается влияние параметров пенсионной системы на развитие неформальных отношений между работниками и работодателями. На основе оценки количества неформальных занятых, выявленных в Республике Башкортостан в 2015–2019 годы, автор доказывает, что изменение пенсионного законодательства, отрицательно принятое как работниками, так и работодателями, приводит к ускоряющемуся разрастанию теневых взаимоотношений и утере контроля государства за социально-трудовой сферой экономики региона.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, внутрирегиональные шоки, региональная экономика, пенсионная система, теневая занятость.

Российская экономика, на протяжении ряда лет характеризующаяся заметным ухудшением реальной макроэкономической ситуации, подвергается воздействию малых и больших шоков – как внутренних по отношению к национальной экономике, так и внешних, вызванных мировыми трендами и санкционными условиями стран Запада. Накапливающиеся внешние воздействия на систему «государство-население», как показано в работах И. У. Зилькарная [9, 10], могут приводить всю систему к скачкообразным изменениям общественного устройства, при достижении линии бифуркации. Разнообразные риски использования трудового потенциала региона, в том числе связанные с теневыми взаимоотношениями исследовались также К. Н. Юсуповым [21].

Из отечественных ученых влияние шоков различной этимологии на экономику региона исследовалось Л. А. Серковым [15, с. 45–63]. В частности, оценено воздействие внешних и внутренних шоков на уровни потребительских расходов, инфляции и заработной платы, а также на объемы инвестиций и выпуска продукции: технологического

шока, шоков региональных и государственных расходов, шока социальных факторов развития, шоков совокупного потребления и уровня цен сторонних регионов, шоков процентной ставки, ставок косвенных налогов на потребление, налога на располагаемый доход и налога на прибыль фирм.

М. Г. Тиуновой, на основе изучения влияния внешних шоков на динамику ключевых российских макроэкономических переменных (промышленное производство, потребительская инфляция, валютный курс и финансовый риск), выявлена высокая уязвимость экономики России к возмущениям на мировых рынках [19, с. 146–170].

Р. В. Ломиворотовым разработана модель российской экономики, позволившая произвести оценку влияния денежно-кредитной политики российских институтов с учетом различных шоков на экономическую динамику в стране [12].

О. А. Богданова рассчитывает последствия шоков для развития социально-экономических систем регионов в условиях обострения внешнеэкономической нестабильности, а также определяет факторы (торговые ограничения, экспортная специализация, локализация иностранных инвестиций отраслевая структура, динамика и доля импорта в ВРП), детерминирующие уязвимость экономики регионов к внешним институциональным шокам [4].

При анализе издержек адаптации к экономическим шокам при вступлении в ВТО И. В. Данилова и О. А. Циммерман заключают, что российские регионы обладают различной степенью устойчивости к негативным последствиям [7, с. 15–23].

Л. С. Гурьяновой и соавторами сделана попытка оценить системные динамические эффекты влияния внешних «шоков» на финансово-экономическую безопасность региона, к индикаторам которой относятся: бюджетная, долговая, инвестиционная, валютная безопасность, а также безопасность банковской системы, денежного, страхового и фондового рынков [6, с. 46–60].

Следует отметить, что в отечественной экономической науке наблюдается явный перекос в сторону исследования внешних шоков, внутренние же факторы нестабильности не удостоились пока широкой научной дискуссии. Особенно это положение актуально для уровня региональной экономики, поскольку в российских условиях регион фактически не является самостоятельным субъектом в рамках региональной экономики, а внешние шоки имеют несопоставимо более серьезное влияние на его социально-экономическую систему и ее составляющие, нежели внутрирегиональные возмущения. В то же время, как справедливо отмечает А. В. Белоусова, при действии внешних шоков «для оценки доступна лишь первичная реакция экономики на соответствующие изменения» [3, с. 14–25], внутренние же шоки, вызываемые внешними, при отсутствии управленческих воздействий по их устранению, имеют постоянное воздействие на протяжении длительного периода времени.

Одним из наиболее существенных шоков 2018 года, имеющих неоднозначную оценку экспертов и населения, выступило так называемое «совершенствование пенсионного законодательства», выразившееся в повышении возраста выхода на пенсию по старости. Многочисленные негативные отзывы на данную реформу перевесили аргументы, декларируемые представителями органов государственной власти в качестве положительных.

Существенной опасностью неприятия населением «Пенсионной реформы» научным сообществом признается переход значительной части работников, особенно молодого возраста, в теневой сектор; целенаправленное игнорирование налогового законодательства, в том числе нового «налога на самозанятых»; отказ от привлечения государства в экономические взаимоотношения производителя и потребителя, усиленное повышением ставки НДС, введением иных налогов, в том числе «скрытых», и др.

В отечественной научной литературе до последнего времени расширение теневого сектора экономики рассматривалось источником разбалансировки системы пенсионного обеспечения и последствием ее регуляторных дисфункций.

Например, И. Н. Захаров и С. Г. Кренева, оценивая размер теневого сектора в 16% трудоспособного населения, считают его вывод из тени способствующим сбалансированию и достижению стабильности российской пенсионной системы [8, с. 69–73]. С другой стороны, как указывает Е. В. Маслова, участие в неформальной занятости представляет в последующем особую опасность для работников, выходящих на пенсию [13].

Результаты исследования А. И. Водопьянова и Л. А. Леонова основываются на оценке эффекта воздействия на неформальную занятость российских работников от трех реформ начала 2000-х (изменение схемы расчета подоходного налога, социальных взносов и совершенствование пенсионной системы). Было установлено, что к решению о переходе в неформальный сектор более склонна молодежь, особенно мужского пола, проживающая в крупных городах. Уровень образования обратно влияет на решение об «уходе в тень». Ученые указывают, что, несмотря на наличие в качестве ключевой цели реформы пенсионной системы легализацию доходов, «установление новой системы расчета пенсий не создало достаточных стимулов для перехода работников по найму из неформального сектора в формальный» [5, с. 42], значительное влияние на данный процесс оказала смена принципа расчета подоходного налога.

Порядок формирования пенсионных прав, как справедливо указывает И. В. Балынин, должна мотивировать к отказу от неформальных отношений как страхователей, так и застрахованных лиц [2, с. 933]. Однако по оценкам ряда исследователей, согласно С. Б. Чернову и С. Г. Черновой, каждый третий работник в России получает «серую» заработную плату, которая в среднем составляет 40% фонда оплаты труда. Заинтересованность работников в теневой занятости не в последнюю очередь обусловлена эффек-

тивностью пенсионной системы – «доходность пенсионных накоплений не компенсирует инфляцию и к моменту выхода на пенсию будущих пенсионеров эти средства полностью обесценятся». Авторы указывают, что простое увеличение возраста выхода на пенсию в значительной мере способствует переходу субъектов рынка труда в теневой сектор реальной экономики [20, с. 249–255]. А. К. Соловьев подтверждает, что нельзя прямо связывать повышение пенсионного возраста с общей продолжительностью жизни. Экономические риски сжатия рынка труда, как источника пенсионных отчислений, вследствие непродуманных реформ являются более существенными [16, с. 117–128].

Неоднократное изменение нормы пенсионных отчислений ведет к недоверию к системе со стороны работников и работодателей, вызывая снижение собираемости отчислений. Дальнейшее поднятие ставки не является целесообразным, однако С. Ф. Иванов актуализирует ее установление для самозанятых граждан и нелегальных мигрантов, которых необходимо вывести из теневого сектора экономики, а также принятие мер по усилению собираемости отчислений на пенсионное страхование [11, с. 6–54].

М. Г. Арипов признает, что поиск возможностей сбора дополнительных страховых взносов в пенсионную систему в условиях России провоцирует расширение теневой экономики, в том числе в части уклонения от регистрации предпринимательской деятельности. Автор призывает учитывать вероятное восприятие населением и поведение экономических субъектов при корректировке ставок страховых взносов. Данные изъятия влияют не только на рост теневых взаимоотношений, но и на степень привлечения инвестиционных ресурсов в хозяйственный оборот [1, с. 171–176].

На основе моделирования пенсионных реформ зарубежных стран и их последствий В. М. Полтерович и В. А. Даниелян пришли к выводу, что дифференциация доходов населения является критическим фактором при их планировании. Особенности отношения плательщиков пенсионных взносов с разными уровнями доходов к своим обязанностям задают различные траектории поведения – «бедные» предпочитают текущее потребление будущему, а «богатые» стараются вложить средства в более доходные и возвратные инструменты, нежели пенсионная система, продуцирующая дополнительный «социальный налог». Отсюда следует, учитывая непривлекательность пенсионной системы и возможность альтернативы в виде уклонения от пенсионных взносов, что «поведение работников по отношению к теневому сектору рынка труда является одним из ключевых факторов, необходимых к учету при проектировании пенсионных реформ» [14].

На проблему доходов и их возвратности в пенсионных процессах указывает также И. В. Терентьева: сам уровень оплаты труда работников, с которой начисляются взносы является несопоставимо низким по сравнению с развитыми странами, как и коэффициент замещения заработной платы пенсией, и, кроме того, продолжительность жизни

россиян также существенно короче. Несмотря на то, что повышение пенсионного возраста и другие изменения параметров пенсионной системы проводятся в духе общемировых тенденций по сокращению государственных пенсионных обязательств перед населением, оно, по мнению И. В. Терентьевой, не решит проблем пенсионной системы. Легализация теневой заработной платы выступает одной из ключевых мер достижения устойчивости и сбалансированности пенсионной системы [18, с. 87–103]. Низкий размер будущей пенсии демотивирует работника к добросовестной уплате страховых взносов и подталкивает его к сговору с работодателем.

А. П. Суходолов и Д. Ю. Федотов также подтверждают, что низкий размер трудовой пенсии, как и ее непропорциональность величине предыдущего дохода не мотивирует работников к полной уплате обязательных платежей со своего заработка, создавая конфликт между работниками, работодателями и государством [17, с. 111–119].

Таким образом, в настоящее время заметно смещение фокуса исследований в обратную сторону – пенсионная реформа выступает источником расширения теневой экономики. В частности, отечественные ученые предупреждают о возможном значительном расширении нелегального контингента занятых, в том числе в публицистических материалах.

В связи с важностью апробации аналитических инструментов по рассматриваемой теме, проиллюстрируем динамику выявления работников теневого сектора занятости в Республике Башкортостан за 2015–2019 годы (Рисунок 1).

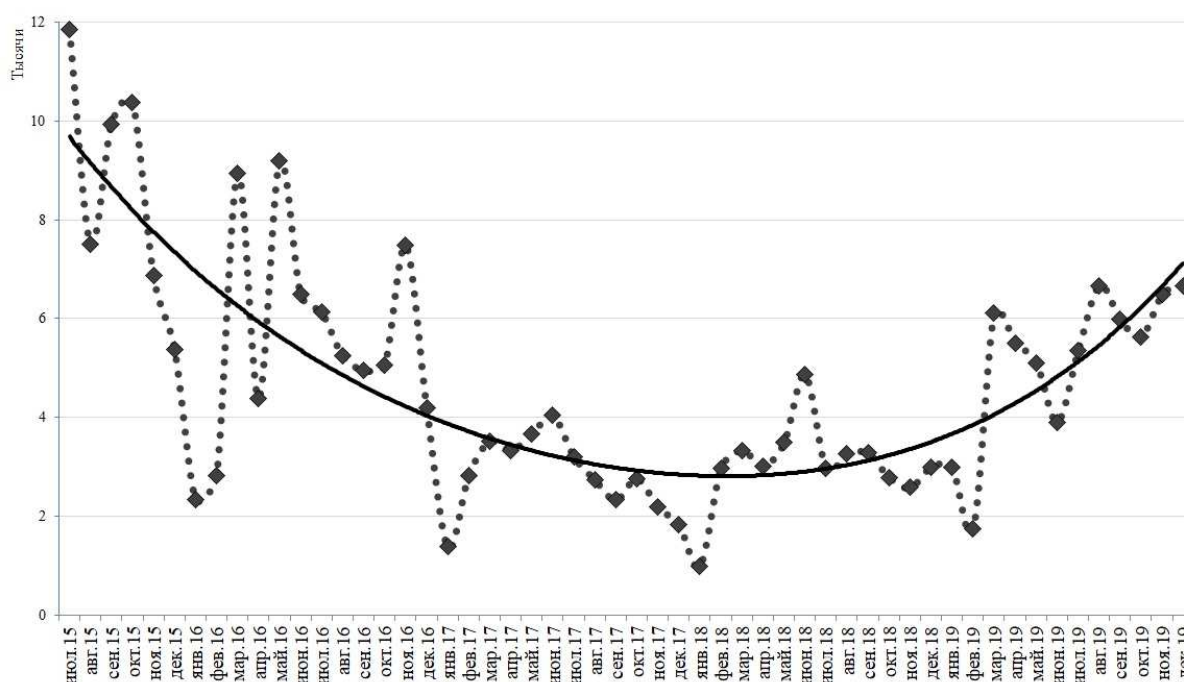

Рис. 1. Динамика количества выявленных работников Республики Башкортостан, с которыми не заключены трудовые договоры, и полиномиальная линия тренда. *Составлено по [22].

Как показывает рисунок, несмотря на ряд внутренних шоков, произошедших с лета 2015 года до лета 2018 года, теневой сектор экономики удавалось сдерживать, однако с начала 2019 года, когда стало известно о неизбежности реализации «Пенсионной реформы», численность работников теневого сектора проявила ускоряющийся рост. В связи с обозначенной тенденцией, разрастание теневой экономики в Республике Башкортостан, как и в Российской Федерации в целом, может принять взрывной характер.

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ №075-00326-19-00 от 27.12.2018.

Литература

1. Арипов М. Г. Совершенствование системы пенсионного страхования как фактор снижения уровня теневой экономики // Российское предпринимательство. – 2012. – №10. – с. 171–176.
2. Балынин И. В. Новая пенсионная реформа в Российской Федерации: базовые принципы, этапы и ключевые мероприятия // Финансы и кредит. – 2017. – №16. – с. 927–948.
3. Белоусова А. В. Моделирование экономических эффектов изменения параметров внешней среды региона // Регионалистика. – 2017. – №3. – с. 14–25.
4. Богданова О. А. Влияние внешних институциональных шоков на экономическое развитие регионов: автореферат дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Богданова Ольга Александровна. – Челябинск, 2018. – 28с.
5. Водопьянова А. И. Анализ влияния налоговой и пенсионной реформ в России на выбор неформальной занятости / А. И. Водопьянова, Л. А. Леонова // Финансы и кредит. – 2016. – №5. – с. 36–50.
6. Гурьянова Л. С. Анализ динамических эффектов влияния «шоков» на экономическую безопасность макрорегионов / Л. С. Гурьянова, Т. С. Клебанова, С. А. Разумовский, В. В. Непомнящий // Вестник ВолГУ. Серия: Экономика. Экология. – 2017. – №3. – с. 46–60.
7. Данилова И. В. Адаптационные издержки регионов в условиях присоединения РФ к ВТО / И. В. Данилова, О. А. Циммерман // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2014. – №3. – с. 15–23.
8. Захаров И. Н. Неформальная занятость как фактор дисбаланса пенсионного страхования / И. Н. Захаров, С. Г. Кренева // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. – 2016. – №4. – с. 69–73.
9. Зулькарнай И. У. Государство и ограниченная рациональность населения: формализованные модели: монография. – М.: Наука, 2014. – 230с.
10. Зулькарнай И. У. Квазирыночная модель государства: монография. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2005. – 199с.
11. Иванов С. Ф. Пенсионная реформа-2019: детерминанты, последствия, альтернативы // Демографическое обозрение. – 2019. – №3. – с. 6–54.

12. Ломиворотов Р. В. Выявление основных макроэкономических шоков в России, оценка их влияния на экономику и выводы для денежно-кредитной политики: автореферат дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Ломиворотов Родион Владимирович. – М., 2015. – 26с.
13. Маслова Е. В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: автореферат дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Маслова Елена Валерьевна. – М., 2019. – 43с.
14. Полтерович В. М. Моделирование пенсионной реформы с учетом неформальной занятости и гетерогенности участников / В. М. Полтерович, В. А. Даниелян [Электронный ресурс] // Доклады XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 10–13 апреля 2018 г. – М.: ВШЭ, 2018. – Режим доступа: //hse.ru (дата обращения: 08.11.2019)
15. Серков Л. А. Влияние внешних и внутренних шоков на макроэкономические показатели региона // Известия УРГЭУ. – 2018. – №4. – с. 45–63.
16. Соловьев А. К. Пенсионный возраст как фактор регулирования дефицита государственной пенсионной системы // Проблемы прогнозирования. – 2018. – №1. – с. 117–128.
17. Суходолов А. П. Уклонение от уплаты налогов и обязательных платежей в Пенсионный фонд России: мотивация совершения преступлений / А. П. Суходолов, Д. Ю. Федотов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – №1. – с. 111–119.
18. Терентьева И. В. Современный этап реформирования пенсионной системы России: оценка результатов и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – №72. – с. 87–103.
19. Тиунова М. Г. Влияние внешних шоков на российскую экономику // Финансы: теория и практика. – 2018. – №4. – с. 146–170.
20. Чернов С. Б. Реформирование пенсионной системы и теневая экономика / С. Б. Чернов, С. Г. Чернова // Вестник университета. – 2015. – №8. – с. 249–255.
21. Yusupov K. N. Risks in using a labor potential of the regions / A. F. Davletbaeva, K. N. Yusupov // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2010. – №1. – с.132–135.
22. Мониторинг «теневой занятости» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. – Режим доступа: //mintrudrb.ru (дата обращения: 02.12.2019).

Статья рекомендована к печати Институтом стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (доктор экономических наук, доцент А. В. Янгиров)

Shadow employment of Bashkortostan Republic: internal economic shock from retirement system reform

A. A. Rabceovich

*Strategic and interdisciplinary researches center of Ufa federal research center
of Russian Academy of sciences*

112 Chernishevskiy Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: cruiser333@yandex.ru

This article describes the systemic relationship between the parameters of the pension system and the development of the shadow economy. The author comes to the conclusion that until recently scientific research was devoted more to the shadow economy influence on the retirement system functioning. Due to the significant shock effects of the “Pension reform” of 2018, the focus of economic analysis has shifted in the opposite direction. Currently the influence of pension system parameters on the development of informal relations between employees and employers is being investigated. Based on the assessment of the number of informal workers identified in Bashkortostan Republic in 2015–2019, the author proves that the change in pension legislation, negatively adopted by both employees and employers, leads to an accelerating growth of shadow relationships and loss of state control over the social and labor sphere of the region’s economy.

Keywords: Bashkortostan Republic, internal economic shock, regional economy, retirement system, shadow employment.